



Е. В. Путря

СЛОВО О ДОЧЕРИ (1977–1989)

Балкон нашей квартиры на четвертом этаже выходит на северо-запад. Сейчас балкон перестроен, застеклен, завешен от солнца шторами: он теперь как бы отгорожен от живого дыхания пространства, днем ослепительно яркого от вездесущих лучей, а ночью темного, беспредельно глубокого, мерцающего таинственными созвездиями.

Еще не так давно здесь любила сживать с биноклем в руках дочь Сашенька. Из этой домашней мини-обсерватории она рассматривала созвездия Большой и Малой Медведиц, Полярную звезду, созвездия Гончих Псов, Волопаса, Кассиопеи, Северной Короны... Иногда замечала летящую среди звезд искорку спутника и потом от охватившего ее возбуждения долго не могла уснуть.

Ее интерес к видимому Космосу, подступившему прямо к перилам балкона, удивлял нас. Она не спрашивала, — да и что тогда мы могли рассказать ей; она рассуждала вслух, что-то фантазировала, рисовала звезды, Солнце и Луну, планетки, облака.

Всех, кто видел Сашеньку, удивляло не по-детски осмысленное выражение ее глаз, «очей», такое, словно из их глубины смотрит еще кто-то внимательный и строгий; они заметны были еще издали: сначала глаза, потом все остальное. Многих это приводило в смущение.

Была она смугленькая, со светло-карими глазами. Особенным было то, что на локтевом изгибе левой руки находилось родимое пятнышко в виде мотылька с раскрытыми крылышками, размером

до полутора сантиметров, а на боках, симметрично, слева и справа, располагались по две небольших бесцветных родинки. Со временем, неизвестно откуда узнав, Саша доверительно объясняла нам, что когда-то давным-давно на месте этих родинок росли еще четыре руки, как у бога Шивы. Для убедительности с явным удовольствием нарисовала несколько автопортретов в характерной позе танцующего бога.

Начиная рисовать портрет, Саша сначала намечала глаза. Если их выражение получалось сразу, то остальное не представляло труда, но если не получалось, она заполняла лист за листом, иногда десятки листов — только глаза, одни глаза, до тех пор, пока, наконец, не достигала задуманного. Иногда даже плакала. А помочь ей невозможно, ее внутренний мир совсем иной и видит она совершенно иначе.

Самые ранние рисунки, начиная с трех лет, это сплошь каракули, которые она называла тучками или облаками; потом, когда рука несколько окрепла, рисовала звездочки, солнышко, луну, затем планетки, летающих человечков — и все это обязательно с глазками.

Рассказывая о своих полетах в сновидениях, однажды уточнила одну особенность: мол, ни ручек, ни ножек не видит, только знает, что они есть, а летает одними лишь глазками. Рассказывала о виденном восторженно, с подробностями, как о чем-то вполне реальном и таком красивом, что словами и передать невозможно; а летает она, мол, как сама захочет: то прогуливаясь, любуясь красотой, то стремительно, переносясь куда глаза глядят: «Раз — и там!» Рассказывала, вся пламенея от внутреннего восторга, о невообразимо огромных облаках, которые сверкают красивее, чем даже миллион салютов на празднике 1-го Мая в парке Победы; рассказывала о каких-то людях, худых и очень высоких, похожих на великанских кузнечиков или на богомоллов, с большими черными глазами, которые тоже не моргают. Рассказывала о шарах, похожих на мыльные пузыри, внутри которых кто-то есть, этих пузырей много-премного и летают они то по одному, то по несколько, то «целыми стаями» и разговаривают между собой мигалками. Рассказывала о слышанных ею голосах, очень добрых, дававших какие-то советы.

Одной из самых любимых картин Сашеньки была «Над вечным покоем» Исаака Левитана. Облака, их суровое величие и монументальные формы могли вызывать у нее неведомые нам, родителям, ассоциации. Ведь на полотне изображено не просто облако, застывшее над разлившейся до горизонта рекой, а мегатуманность Конская Голова из созвездия Орион, видимая с Земли только в мощный телескоп.

В садике на уроках рисования начали заставлять рисовать цветочки, флажки, мячики, домики, ракеты и пр. Воспитательницы хвалили Сашу, а нам говорили: «Ваша девочка рисует лучше всех и успевает помимо задания нарисовать и свое. У нее явный талант».

В группе ее любили. Все отмечали ее детскую зрелость, внутреннюю самодисциплину, повышенное чувство справедливости. Она никогда не лгала, была доверчивой и ласковой. В играх первенствовала по сообразительности, отличалась быстрой реакцией, была инициативной. Дети к ней тянулись. Само собой сложилось так, что она стала лидером и оставалась им до самого выпуска.

С некоторых пор мы с тихим изумлением начали замечать в ее суждениях, советах, предложениях такие знания, которых она просто не могла почерпнуть из своего окружения. Казалось, у нее был свой собственный багаж знаний. Это оказалось так неожиданно! Не сговариваясь, мы начали прислушиваться к ней. И, незаметно для нас самих, она оказалась равноправной собеседницей, авторитетной советчицей в решении очень многих внутрисемейных вопросов, да и не только их. Как правило, нам приходилось соглашаться, ее доводы были логичны, не по-детски мудры: в них чувствовалась аура доброжелательства и любви. Саша не говорила, поступайте, как я, или делайте, как я, — она своим ненавязчивым примером как бы приглашала посмотреть на создавшуюся ту или иную ситуацию с высоты духовной целесообразности. Мы начали ощущать, а потом и понимать, насколько не соответствуем благородному совершенству души и сердца своего ребенка. А Сашенька, как потом оказалось, жертвовала собой, спасая нас от самих себя. И только когда жертва свершилась, а мы остались доживать оставшееся нам время, пришло запоздалое осознание чуда, явленного нам из миров неизведанных.

Окружающий мир, такой родной и привычный для нас, вызывал у Сашеньки пристальный интерес первооткрывателя. Ее удивляло буквально все: и самолеты в небе, и початки кукурузы с «чубчиками», и крупинки песка на пляже, и сетчатые глаза у стрекозы, и разнообразие ушей у людей и животных, и хитро спрятанные коготки у кота Митхуна, и разнообразие рыбьих чешуек, и устройство одуванчиков и пр. и пр.

Она присматривалась к особенностям причесок маминых студенток в музыкальном училище, самых красивых девушек в Полтаве, запоминала исторические одежды, выставленные в богатейшем краеведческом музее, буквально трепеща от умиления, она топталась у витрин с чучелами горностаев, хомячков, ежей, белочек — тех, кого в обыденной жизни не увидишь. И рисовала, рисовала, рисовала.

Рассуждая о виденном, Саша пришла к выводу, что Земля с самого начала принадлежала животным, а не «человекам», и указывала, насколько они, животные, естественны в условиях жизни: у них и шубки и зубки, и коготки, и норки, а прилетел человек, этот инопланетянин с ружьем и холодильником, и все испортил. А ведь зверята такие доверчивые, добрые, ласковые, с ними легко подружиться и жить в мире.

Она даже высказала дерзкую мысль, чтобы города и поселки огрადить решетками, а животных выпустить на природу, пусть, мол, живут себе, как жили раньше.

На прогулки за город брала с собой кроме бинокля и увеличительную линзу до десяти сантиметров в диаметре: сквозь нее рассматривала насекомых, внутренность чашечек соцветий полевых цветов, перламутровые ракушки, мякоть мясистого помидора, пушистые почки вербы. Поймав линзой солнечный луч, ухитрялась кипятить в крышечке от термоса земляничный чай.

Однажды, расплавив таким же образом пластилин, придумала, как при помощи больших-больших линз можно расплавить на шоссе асфальт и специальной машиной разгладить его, чтобы не было ям и трещин. Для любимой Полтавы, чтобы она всегда была чистой, придумала прикрепить под днищем всех автомобилей по два пылесоса («Мотор же все равно крутится, пусть крутит и моторчик пылесоса!»), а скопившийся мусор выгружать в мусорные баки.

Придумала приспособить кузнечный мех, увиденный ею у знакомого художника-кузнеца и названный «фукалкой», к корме лодки, чтобы можно было плавать без весел. С помощью такой же «фукалки» можно спокойненько летать на парашюте, «фукая» в купол, аж пока не надоест.

Придумала оригинальную раколовку, используя конструкцию обыкновенного зонтика, заменив только ткань на мелкоячеистую зеленую сетку.

Придумала широкополую шляпу-зонт.

В больничной палате, на вынужденном досуге, выплетала сама и выучила детей выплетать из гибких капроновых трубок использованных капельниц разные елочные игрушки, очень красивых рыбку, попугайчика, осьминожка. «Где ты этому научилась?» — удивились мы. «Нигде. Просто знаю».

К пяти годам Сашенька играючи выучилась считать, потом читать и писать.

Целые страницы исписывала она цифрами, располагая их то в строчки, то в столбики, разделяя их, как в письме, знаками препинания в виде вертикальных черточек, запятых и длинного ряда точек. Высчитывала по каким-то ей одной известным признакам «счастливые» и «несчастливые» дни, составляла помесячные календарики, в них отмечала цветными карандашиками символы знаков зодиака, вела учет карманной мелочи, распределяя отдельно все монеты по их номиналам, потом смешивала и, закрыв глаза, наощупь выстраивала их в длинную цепочку и потом зачем-то записывала случайно сложившийся порядок цифр в свой блокнотик.

Однажды, после такого занятия, она неожиданно рассказала, что когда-нибудь в будущем все люди научатся языку цифр, и он будет единым для всех и понятным, как арифметика. Цифры будут означать не отдельные слова, а понятия, и будет на Земле один царь, самый главный, и не будет больше войны, и всем будет хорошо. Рассказывала долго и не один раз, по-детски увлеченно, другими словами, однако суть именно эта; такое не забывается. Хотя мы восприняли все, как фантазию. Было ей тогда около семи лет.

Выписавшись из больницы домой, Сашенька, обложившись альбомами и монографиями художников, часами рассматривала репродукции. Из зарубежных художников ее почему-то впечатлил больше всех Альбрехт Дюрер. Она свою монограмму $\overline{\text{АА}}$ (Александра Путря) составила, взяв за образец дюреровскую $\overline{\text{АД}}$ (Альбрехт Дюрер).

Из русских художников очень любила Нестерова, братьев Васнецовых, Билибина и Левитана, Карла Брюллова, Лансере и Сомова, из зарубежных – Яна Матейку.

Репродукции росписей Владимирского собора в Киеве она рассматривала через лупу, а когда, приехав на консультацию к профессору-гематологу Светлане Сергеевне Киреевой, попала в сам собор и увидела росписи в натуральном размере, то мы даже испугались за нее, настолько потрясение оказалось неожиданным. Грандиозные настенные фрески «Крещение Руси», «Христос Вседержитель» и особенно «Страшный Суд» зародили в ее душе, как нам кажется, испуганно-доверчивый интерес к православной вере.

Молилась ли Сашенька? Да. Она уединялась. Выходила с покрасневшими глазами и умывалась. О чем молилась – не рассказывала.

Как-то осенью, совершенно случайно наш приятель, художник Евгений Любимов, привел к нам своего гостя, священника о. Вячеслава (Ушакова). Мы подружились. Мудрый, рассудительный, с высшим духовным образованием, полученным в Троице-Сергиевой академии, целибат, он был потомком недавно канонизированного адмирала-флотоводца, преподобного Феодора (Ушакова). Оживленные беседы о духовности, о различных вероисповеданиях, обычаях, о реинкарнации, о бессмертии души, о Космосе, о Боге – часто затягивались далеко за полночь. И рассказал он об индийском царевиче Иоасафе, жившем в четвертом веке; он принял христианскую веру, строил православные храмы, крестил индусов; день его прославления Православной церковью отмечается 2 декабря. Для Саши, которая каким-то непостижимым образом кое-что помнила о своей прошлой жизни в Индии (о слоне, на котором ехала, о деталях его убранства и о красивом ажурном паланкине над корзиной, в которой она, Саша, восседала, и о богатых дворцах

с фонтанчиками, и о ярком-ярком солнце), эта новость явилась открытием, послужила импульсом к страстной и радостной работе над рисунками на индийскую тему. Подумать только: индийский принц Иоасаф и Саша – родились в один день! И она уже не пропускает ни одного индийского фильма, просит покупать любую литературу об Индии, просит выписать журналы «Индия» и «Диалог», охотится за бижутерией, ищет подходящие ткани. И взалхб рисует: она уже с принцем, она уже принцесса, уже появились молодые индийские жених и невеста.

Индийские фильмы оказались наиболее доступными источниками познания культуры, истории, нравов, философии и быта этой страны. В них Добро всегда побеждает Зло, в финале всегда торжествует Любовь.

С пяти лет Сашенька влюбилась в своего двоюродного братика Витеньку Бражанского, младше нее на полтора годика, их привязанность друг к другу удивляла всех родственников. Множество портретов «Витенек» она нарисовала в альбомах, на обложках книг и даже на стенах комнат.

Потом влюбилась в певца Сергея Захарова, потом в артиста Михаила Боярского. Последней, настоящей ее любовью стал индийский киноактер Митхун Чакраборти. Фильмы с его участием она не пропускала и смотрела по много раз, знала на память все исполняемые им песни. Его фотопортреты отыскивала, где только могла, вырезала, любовно украшала орнаментальными рамками, обставлялась ими, как иконами. Говорила о нем с трогательной нежностью, плакала от избытка чувств, мечтала о несбыточном. Ее рисунок «Девушка мечтает о любви» отображает именно то состояние, в котором пребывала в то время сама Сашенька.

Митхун Чакраборти, если посмотреть на него глазами влюбленной Сашеньки, это действительно идеал юного индуса, с восхитительными восточными глазами, полными знойной неги и мудрой печали. Он, как и наш русский Иван Царевич, стал для нее проводником в сказочную Индию, память о которой сохранилась где-то в копилке ее души, вечной как Космос. Индия и Митхун в ее по-

нятии – это единое целое, как Солнце и его лучи. Этим сиянием она была заполнена вся изнутри, ее композиции индийского цикла излучают эту Любовь и продолжают волновать посетителей выставок.

Наш друг, заслуженный художник Украины Валерий Мозок, с дочками которого дружила Сашенька, поехал по туристической путевке в Индию. Ожидали его возвращения с нетерпением. Приехал. Привез сувениры. «Ну? А Индия – что? Какая она?» Он пожалел Сашеньку. Он рассказал ей то, что она хотела услышать. С нами же, по-свойски, поделился впечатлениями совершенно противоположными: толпы нищих, сопровождающих туристов, жара, грязь, вонь, скот и наглые обезьяны прямо на улицах, пища острая, не для наших желудков. Словом, ничего общего с сентиментальными, водевильно-опереточными фильмами, по которым дети представляют Индию.

Сашенька верила в реинкарнацию. Читала Раймонда Моуди (тогда еще в «самиздате»). Однажды о своем заболевании сказала: «У меня просто кровь заканчивается». Фраза запомнилась. А смысл открылся лишь не так давно, после одного сновидения: на высокогорном плато Сашенька рисует струйкой своей крови планы жилищ, в которых проживали с незапамятных времен наши генеалогические предки, жилищ много, а на последнем, на плане комнат нашей нынешней квартиры, кровь перестала струиться, иссякла, как молоко из груди кормящей матери. Вот такая метафора сна. А наяву было белокровие, острый лимфобластный лейкоз.

Так теперь сложилось, что фамилия ветви родового древа Путрей сохранится только в имени Сашеньки, в ее творчестве.

Помнится, она неоднократно спрашивала, что означает эта странная, явно не украинская фамилия. Я нашел ответ в примечаниях к «Энеиде» Котляревского: «Путря – ячменная кутья со сладким квасом». Сашенька была разочарована.

Но вот в 2002 году Посол Индии в Украине, господин Видья Бхушан Сони, после торжественного вручения нам, родителям, Международной премии и приза «Кала Шри Авард», присужденных Сашеньке (посмертно), уже в кулуарной беседе спросил, известно ли мне происхождение фамилии Путря. Я ответил то же, что и Сашеньке. И тут он

открыл истинное, ведомое только им, индусам, значение на санскрите слова «путри» – дочь; слово «путрика» – доченька!..

– А вашу девочку Сашу Путрю, так любившую нашу страну, в полной мере можно назвать «Бхаратпутрика» – доченька Индии.

Вот вам и ячмень с квасом!

Полтава – городок небольшой, уютный, со множеством тенистых парков, с прекрасно сохранившейся архитектурой XVII–XIX веков, с оригинальными историческими памятниками, отлитыми в меди и бронзе на заводах в Санкт-Петербурге, Москве, Киеве и украшающие до сего дня едва ли не каждую улицу. С вершин трех неприступных холмов, на которых вольготно раскинулся городок, открываются завораживающие дали, внизу змеится тихая река Ворскла, за ней бежит звонница Крестовоздвиженского монастыря.

Всю осязаемую среду обитания, не говоря уж о родном доме, Сашенька воспринимала как лично свою, неотъемлемую от себя данность. Казалось бы: ну какое ей дело до того, что какие-то скалолазы, тренируясь, начали долбить ветхие стены Пушкаревской церквушки, довершая ее разрушение? Мало ли их уже уничтожено? Как взвилась Саша! Как разбушевалась!.. Слезы градом, подскочила температура! Принудила к действию. Написал письмо в республиканский Фонд Культуры, его Председателю, поэту Борису Олейнику. И последовало решение о консервации строения с последующим его восстановлением. В 1993 году церковь была освящена, возобновились службы. Но Сашенька этого уже не застала.

В субботние и воскресные дни мы с ней ходили по музеям, а их в Полтаве и области множество: художественный, краеведческий, музей истории Полтавской битвы, два музея Котляревского – мемориальная усадьба и литературный музей, литературно-мемориальный музей В.Г. Короленко, музей-усадьба Панаса Мирного, музей авиации и космонавтики, музей Склифосовского, музей А.С. Макаренка, музей военной авиации, музей-заповедник Н.В. Гоголя, музей народной керамики, музей генерала Ковпака, музей архитектуры города Полтавы, музей народной архитектуры под открытым небом и др.

Сашеньку начали узнавать, интересовались, — кто это такая любознательная пронира. Начали распространяться слухи о ее рисунках, начались телефонные звонки в квартиру, стали приходиться знакомиться, приглашать на различные мероприятия: утренники, юбилеи, встречи. По инициативе общественности состоялась и первая выставка Сашиних рисунков: в музыкальном училище имени Лысенко, вторая — в клубе книголюбов, Сашенька волновалась чуть не до обмороков. Но проверка на публике прошла более чем успешно.

После выставок она заново пересмотрела все свои ранние работы: одни откладывала, другие дорабатывала. Так появились рисунки «выставочные», тщательно прорисованные, иногда заново раскрашенные и часто собственноручно подписанные. Работала весело, под музыку, часто вдаваясь в длительные рассуждения.

Подборкой музыкального репертуара тоже занималась она. Подбирала и ставила пластинки, чередуя песни из индийских кинофильмов с мюзиклами на темы сказок, симфоническую музыку с операми, театральные инсценировки с записями песенок из мультфильмов.

На праздники обычно либо мы ходили в гости, либо гости — к нам. Приходили с детьми. И всегда дети «зажигались» рисованием. Обычно Саша начинала придумывать карикатуры, соединяя, скажем, верхнюю часть туловища котенка с длинными, коленками назад, ножками кузнечика, или голову бегемота утверждала на плечи когтистого орлана, или на лягушку надевала балетную пачку, на лапках ласты, на голове косы с бантиками и пр. От веселья и смеха стоял звон в ушах!

Такие же «карнавалы» она устраивала и в больничной палате, когда вечером врачи уходили, оставляя детей на попечение дежурной медсестры или медбрата, студентов-практикантов. И они, сами еще почти дети, принимали участие в играх. Рисунки кочевали из палаты в палату, врачи их тоже видели, смеялись. И не запрещали, полагая, что положительные эмоции способствуют выздоровлению детей.

Когда Сашеньку выписывали домой, дети плакали, провожая ее до выхода. Многих она больше не видела. Возвращаясь на очередное пролечивание, знакомилась с новыми маленькими поселенцами. И так год за годом. Шесть печальных лет. Она все понимала.

Если в общем и целом проследить все творческое наследие Сашеньки, то можно зримо определить диапазон ее интересов, сменявшихся и возраставших по мере взросления. Это обширные циклы, их семь. Из них самые многочисленные на тему Космоса, на тему Индии и на тему мира животных; далее — портретная галерея образов, включающая в себя автопортреты, портреты родителей, родственников, друзей, знакомых, студенток музыкального училища, женихов и невест, киноартистов, портреты сказочных и исторических персонажей; затем следует небольшой, глубоко прочувствованный цикл религиозно-духовного содержания, в котором персоналии только близки к каноническим композициям, не иконы с их вековыми традициями, а скорее все-таки портреты, в глазах которых акцентированно отражена высокая печаль, присущая в последние годы и самой Сашеньке; далее — тема символики звездного неба, знаков зодиака, созвездий и, наконец, неподдающийся учету цикл карикатур и дружеских шаржей, почти весь разданный Сашей.

Хочется особенно остановиться на ее сокровенном замысле, который старательно вынашивался в последний год. Взяв за основу старинные изображения созвездий в виде персонажей древних мифов, она вознамерилась превратить потолок нашей мастерской в подобие символического Космоса, той его видимой части, где чудесным образом собраны воедино созвездия Козерога (мама Вита), Стрельца (Саша), Скорпиона (папа Женя) и Девы (сестричка Лера). Именно то, что даже в космической безбрежности покровительствующие нам созвездия сосуществуют рядом, и послужило толчком к зарождению этого замысла. Закупили с ней большие банки красок: ультрамарина, голубой «ФЦ», кадмия желтого, краплака, белил; она начала вырезать из алюминиевой фольги звезды, круглые планетки с кольцами, как у Сатурна, хвостатые кометы... Это была уже заявка на монументальную фреску, это начинался новый этап ее творчества. Находясь уже в больнице, она попросила купить два широких флейца и флакон клея ПВА. Надеялась еще, что понадобятся...

С трех лет Сашенька с мамой и старшей сестрой ездила ежегодно в село к бабушке на летние каникулы. Там она открыла для себя со-

всем иной мир: цыплята, куры, щенки, поросята, ягнята, лошадки-стригунки, котята, коровки – все живое, настоящее, можно потрогать, приласкаться, ощутить взаимную доверчивость.

И уже невозможно было представить городскую квартиру без хотя бы некоторых из этих милейших существ. Появились щенки: сначала Бимка, потом Альфа, прибрлудился красавец-кот Митхун, завели аквариумных рыбок, купили волнистых попугайчиков Тошу и Гошу; начали прилетать под окна голуби; пугливые горлинки поселились прямо на подоконнике, на ветках дикого винограда, и вывели несколько поколений птенцов, в скворечнике завелись деловитые скворцы.

Соседи шутили – «Ноев Ковчег!» Ноем была, конечно, Сашенька.

В это время в Афганистане шла война. Жуткие отклики просачивались сквозь цензуру, слухи о хладнокровной жестокости горцев вызывали оцепенение. Саша была очень напугана. Она не понимала, как такое может быть: люди убивают людей!

Страшная угроза нависла и над безоблачным миром ее представлений о Добре и Зле. И она начинает спасать своих любимых зверят с помощью единственного средства, которым владела – рисунком. Она рисует своих любимцев, спрятав их то в подземельях, то в пещерах, то в погребках, то поселив их в просторные подводные лодки и батискафы, погрузив на самое дно морей и океанов. И все-то у них там есть, всем снабдила заботливая спасительница: и запасами еды, и баллонами с чистым воздухом и родниковой водой, и индивидуальными постельками, и книжками, и телевизорами, и ночными горшочками. Закончится у людей война, – а она обязательно закончится, – и зверята целыми и невредимыми вернутся домой. И снова будут мирно жить в новеньких квартирках, на которых прибиты дощечки «Охраняется государством», будут ходить друг к другу в гости, пить чай, читать деткам сказки.

Эти композиции наиболее трогательны, именно их широко тиражировали в странах Европы, где проходили Сашины выставки.

В повседневной жизни Сашенька была необыкновенно энергичной и расторопной. «Ну, ты и егоза!» – говаривали те, кому пришлось знать ее поближе. Действительно, в играх она шалила с таким азартом и энергией, словно в ней было два сердца.

Зимой щечки ее пылали румянцем, пальчики не мерзли, и она иногда теряла рукавички за ненадобностью.

В детской консультации проверяли ее биоэнергетику на японском диагностическом аппарате, и его зашкалило. Врач предупредила, что этот ребенок из группы риска. В чем риск? Никто еще толком не знал.

Запомнилось два случая, когда при соприкосновении с Сашенькой проскакивал с сухим треском электрический разряд, весьма болезненный для обоих.

Однажды она обратила мое внимание на хаотически роящиеся вокруг нас целые скопления крошечных змейкообразных светлячков, назвав их по-своему: «живчиками». Они, как я с удивлением понял из ее пространного объяснения, живые, умненькие, существуют везде-везде: и в нас самих, и в воде, и в растениях, и во всем небе, они — это и молнии, и Солнце, и нимбы у святых. Возможно, поэтому Сашенька не боялась молний.

Когда надвигалась гроза, она вся менялась, входила в состояние лихорадочного возбуждения, тащила меня на озаряемый сполохами балкон, мы запахивались в целлофановую скатерть, и я становился невольным свидетелем предельного накала ее восторгов!.. Чувствовалось: она воспринимает бушующую стихию гораздо глубже и видит в ней нечто большее.

Поступив в первый класс русской школы, Сашенька легко и весело включилась в строго регламентированную жизнь класса. Ее избрали в редколлегию газеты «Октябренок» художником. Она очень этим гордилась.

Любимыми предметами стали математика, литература, история, география и, конечно, рисование. За успехи в учебе педсовет школы награждал Сашеньку «Похвальными грамотами», а родителям она приносила «Благодарности».

Но уже весной, по настоянию врачей, Сашенька вынуждена была прекратить посещение школы и продолжить занятия на дому. Это освободило массу времени для занятий рисованием.

Искусствовед Виталий Ханко подарил Сашеньке ко дню рождения объемный «Сонник» и «Японский гороскоп». Она очень увлеклась

ими. Теперь все события, хаотически нагроможденные в сновидениях, она самым тщательным образом распределяла по символам, собранным в «Соннике» в алфавитном порядке, выстраивала в логическую цепочку и составляла ясную картину смысла определенного сновидения. Сейчас трудно припомнить, насколько разгадки были верны, но, помнится, было чрезвычайно интересно.

Гороскоп, с его двенадцатилетними циклами, каждый из которых возглавляет геральдический символ определенного животного, как то: Тигр, Мышь, Собака, Дракон, Змея, Обезьяна и др., столь знакомые Сашеньке по небесным созвездиям, расширял ее любопытство к тайнам заманчивой неизвестности. Всем знакомым она в шуточной форме рассказывала об их склонностях, чертах характера, вкусах, интересах. Совпадения происходили просто фантастические.

В 1988 году заканчивался двенадцатилетний цикл года Дракона и Сашенька, начав с него, решила проиллюстрировать все последующие годы всех геральдических символов гороскопа. Так появился «Новогодний Дракошонок с батоном», «Мама-Дракоша с дракошатами на новогодней елке», «Саша-Дракоша», «Саша-Дракоша на Земном шаре», «Саша-Дракоша выиграла в спортлото».

В 1989 году заканчивался такой же цикл года Змеи, в самом начале которого родилась Сашенька. Появляется ряд изящных по исполнению рисунков: «Добрая Змея-Королева» (несколько вариантов), «Праздник Змей», «Царство Мудрых Змей», «Фея с жезлом Змеиного Царства», «Автопортрет с моей Добрай Змеей» (остался с несколькими другими композициями в Индии во время выставок в 2000 году).

И так уж произошло, что и земная жизнь самой Сашеньки уместилась в лоне одного только цикла года Змеи: 1977–1989.

Каким-то необъяснимым, просто магическим знаком была у Сашеньки цифра 7. «Эх, если бы мама родила меня на пять дней позже!.. Ну что ей стоило подождать! И было бы у меня тогда три семерки, и я бы не заболела», – вздыхала она. Не в наших силах хоть самую малость изменить то, что предначертано Свыше. Однажды Сашенька объявила, что в воскресенье настанет счастливый день, сойдутся вместе три семерки, и назвала этот день: 7.07.1987. Для приглашен-

ных гостей повод праздника остался тайной. Сашенька загадала желание. Вскоре оно и сбылось: состоялась первая прижизненная выставка (!) ее рисунков.

Теперь мы убедились, что не были случайными знаки, предварявшие приход Сашеньки в этот мир: и предсказание в далеком 1957 году, и пророческий сон в 1976 году, и название переулка «Космический», где жила Сашенька, и улица «Зоряна» (по-русски «Звездная»), где стоит спасенная Сашенькой Вознесенская церковка, и день ее рождения, совпавший с днем прославления святого царевича Индийского Иоасафа, и много-много других знаков.

Особое место, единственное в своем роде, занимает последняя композиция, как бы прощальная – «Сириус». Она хранит в себе загадку Космического масштаба. Почему именно к звезде Сириус тянутся две руки двух поколений человеческих – отживающего и подрастающего? Какое отношение имеют земляне к той далекой звезде?

Нас часто спрашивают: «Как это вы сумели воспитать такую необыкновенную девочку?» Мы отвечаем, что не мы ее, а она нас воспитывала.

Еще вспоминается одна особенность ее отношения к животным: она никогда не говорила, что у них «морды», она говорила «личики». И на рисунках запечатлены именно «личики», добрейшие, милейшие, согретые ее любовью, с живыми глазами «последних ангелов на земле». Для своих любимцев изготовила шуточные паспорта со всей соответствующей информацией, с портретиками, с отпечатками растопыренных лапок, с семейным положением (Альфа – старая дева, кот Митхун – холостяк), с домашним адресом и указанием страны – Звездный Союз. Придумывала различные титулы: Ваше Мурлычество, Ваше Собачество, Ваше Косолапие, Ваше Клюводолбие и пр. Детям очень нравилось. Традиция прижилась. Иногда слышим: «Скид! Ваше Мопсячество, ко мне!», или: «Сонечка, Ваше Мурлычество, ай, ласковая моя, ай, рассказчица!..»

Столь ранний уход Сашеньки тоже был предначертан. Его приближение сопровождалось многими настораживающими знаками, самыми доступными к пониманию которых остаются вещие сны. Их

множество. Они продолжают исходить от Сашеньки светлой вереницей, они насыщены новой информацией, которую еще предстоит изучить и освоить поколениям грядущим.

Прошло более двадцати лет.

Удивительно. Создалось такое впечатление, что Сашеньку и все ее наследие опекают мощные духовные силы Добра и Света. Все новые события и дела осуществляются как бы сами по себе, без нашего родительского участия, в большинстве случаев совершенно неожиданно. Это же какими средствами и возможностями нам надо было бы обладать, чтобы провести 129 выставок (на середину 2011 года) в разных городах и странах?! От нас ли зависело строительство Детского выставочного зала имени Саши Путри? Мы ли начали проводить Международные конкурсы детского рисунка? Нами ли было основано проведение интереснейших международных конкурсов классического индийского танца «Танец бессмертной Апсары» имени Саши Путри? А фильмы о Сашеньке? А поэмы? А повесть? А стихи?

И отовсюду мы слышим уверения, что она, оказывается, одна из представителей новой плеяды детей индиго, детей нового сознания, призванных Свыше изменить человечество примером своей высокой духовности и жертвенной любви. На смену эпохи Человека Разумного приходит эпоха Человека Духовного. Это Великий Замысел. И мы невольно стали свидетелями начала его исполнения.

Сашенька примером своей жизни показала, что смерти и забвения нет. Есть перевоплощения непрерывно совершенствующегося бессмертного Духа, вечного как Космос.

Полтава, 2011 г.



А.С. Разводовская

ЗВЕЗДОЧКА

Если хочешь, чтобы они немного потлели, гори дотла сам... Это страшно трудно, но нужно.

Надя Рушева

Если можно встретить в нашей жизни настоящее, чистое, простое Чудо, то это именно оно — в лице необыкновенной девочки-художницы. Она ушла из жизни в 11 лет, на подъеме своего удивительного творчества, переполненная вдохновенными планами. Как маленькая звездочка, ненадолго опустившаяся на нашу планету, осветившая и разбудившая огромное количество сердец и вновь вернувшаяся домой — в Беспредельность.

Однажды маленькая Сашенька спросила отца:

— *Как ты думаешь, папа, на нас в этот миг могут смотреть оттуда, с какой-нибудь звездочки?*

— *Думаю, могут.*

— *Давай на всякий случай помашем им руками — пусть думают, что мы ихние друзья¹.*

Девочка смотрела на мир удивленными и все больше понимающими глазами и спрашивала у близкого человека:

— *Папа, а как это — одаренная?*

— *Ну, это значит — талантливая.*

¹ Виценья Л.Н. Сашенька. Художественно-документальная повесть. Полтава: УР ООО «ТОКОМ–Украина», 2002. С. 47.

– Нет, ты меня извини, но мне кажется, что ты не прав. Я думаю, что одаренная – это даром... Ну, что талант дан даром – как подарок.

– И кем же это он дан?

– Богом, конечно! Кем же еще?¹

Она, безусловно, владела таким даром, ценила его и радостно подчинялась его водительству. Она несла в себе столько радости и света, что заслужила очень редкий на Земле драгоценный подарок – ответную любовь людей, которые приняли ее душу. Любовь очень сильную, жертвенную, которая наполняет человека счастьем жить и открывает перед ним Красоту истинных Земли и Неба, истинной Культуры, истинного человеческого Сердца. Такой любовью одарили Сашу ее родители. Особую роль в ее жизни сыграл отец. Именно он оставил свои воспоминания о дочери – очень искренние, волнующие, исполненные любви.

Девочка впитывала знания как губка – с невероятной жадной и радостью: с упоением читала, изучала, восхищалась и напитывалась Культурой. О заинтересовавшей ее теме старалась узнать все, что только возможно, – из литературы, истории, от людей. И рисовала, рисовала, рисовала...

Сашенька очень спешила, стремясь сделать как можно больше, будто чувствовала, как мало времени ей отведено. Однажды ее отец, зайдя в комнату, увидел, как его маленькая дочка разрисовывает нижнюю поверхность стула. На вопрос, зачем она это делает, если есть бумага, девочка ответила, что за бумагой надо идти в соседнюю комнату, а у нее совсем нет времени!

Да, времени ей действительно было отведено очень мало. Но как много удалось ей сделать за небольшой отрезок детской жизни! Настолько много, что этот отрезок в 11 земных лет вместил в себя целую Вечность, которая наполняет душу каждого, кто когда-либо встречался с ее работами.

Мне посчастливилось встретиться с творчеством Сашеньки в 2007 году на выставке в Музее имени Н.К. Рериха в Москве. Эта

¹ Вицены Л.Н. Сашенька. Художественно-документальная повесть. С. 64.

выставка стала большим знаковым событием как в жизни Музея, так и в теперь уже самостоятельной жизни Сашиных рисунков. Залы Международного Центра Рерихов уже много лет принимают новых художников. Сначала это были в основном современные художники-космисты (именно их творчество наиболее созвучно философским идеям семьи Рерихов). Потом среди них все чаще стали появляться дети. Оказалось, что и те, и другие очень близки друг другу в своем восприятии мира, в своем ощущении души человека и Вселенной. На рубеже тысячелетий стало появляться все больше необычно одаренных детей, сознание которых значительно превосходит сознание их сверстников, а уровень духовного развития нередко можно поставить в пример взрослому человеку. Их творчество открывает новые, уникальные страницы в современной духовной культуре. Это явление стало предметом обсуждения нескольких международных конференций, организованных Музеем имени Н.К. Рериха. Выставка Саши Путри стала одним из ярких аккордов этой необыкновенной детской симфонии. Юная художница была одной из первых звездочек в этом удивительном звездопаде, и потому ей было намного труднее, чем современному поколению одаренных детей, творчество которых хоть в какой-то степени поддерживается и поощряется.

Но будущее все расставляет на свои места. Чем больше времени проходит, тем большую ценность в глазах людей приобретают Сашины работы, тем глубже открывается через них истинная реальность Красоты. Нам выпало счастье быть свидетелями (и участниками) настоящего преображения, которое происходит в сердцах людей при встрече с творчеством девочки... Именно так видел процесс истинного творчества Николай Константинович Рерих — великий художник, имя которого носит Музей, открывший свои двери для работ Сашеньки. Он был убежден, что искусство должно улучшать, одухотворять этот мир высокой энергией Красоты, которую излучают настоящие произведения искусства.

Сашенька родилась в семье любящих творческих людей — художника Евгения Васильевича Путри и музыканта Виктории Леонидовны Емец, которые раскрыли перед ней все многообразие и богатство на-

стоящей культуры. Вскоре вся квартира была разрисована до высоты Сашиного роста. На всех ее рисунках поражают глаза – необыкновенно чистые, какие-то неземные, очень глубокие. Это Сашенькины глаза. Через них смотрит в мир светлое любящее существо, не по-детски мудрое. Она могла рисовать с утра и до вечера, а отец с ее слов подписывал рисунки (попытки отца научить девочку рисовать «правильно» сразу встретили мягкое, но непреклонное «нет»). Сашенька досконально изучила репродукции с картин великих художников, наклеенные на стенах в квартире, альбомы по истории искусств, различные буклеты и каталоги, а Евгений Васильевич отвечал на ее бесконечные вопросы. С ним Сашенька исследовала все исторические места, музеи и церкви родного города Полтавы, постигая через увлекательные рассказы отца-художника историю своей земли.

Примерно за год до рождения девочки Евгений Васильевич, отец Сашеньки, увидел во сне маленькую яркую звезду-метеорит, опустившуюся на Землю. Присмотревшись, понял, что это не звезда, а удивительно красивое светящееся яйцо, пульсирующее как сердце. Вдруг яйцо лопнуло, и из него вылупился маленький голубочек с человеческими глазами!

– Знаешь, папа, я думаю, что люди на Землю пришли с Космоса. Вот сам посуди: все животные приспособлены ко всяким переменам на Земле. Им не надо никакой одежды, у них все с собой. <...> А человек – он же голый. Чтобы не замерзнуть, он придумал одежду, вместо норы – многоэтажки с ваннами. <...> Видишь, ничего у него не было, все сам придумал¹.

Эта маленькая девочка сама несла в себе целую вселенную. Ее сердце было открытым и правдивым. И такими же были ее мысли. Она мыслила сердцем и была далека от привычных стереотипов людей.

– А скажи, папа, мы сейчас бедные или богатые?

– Ну, какие же мы богатые? Все наше богатство – телевизор да велосипед!

– А книги?!

¹ Виценья Л.Н. Сашенька. Художественно-документальная повесть. С. 46.

– Ну, разве еще книги...

– А проигрыватель? А пластинки? Э-э, нет, папа, мы не бедные! Еще чуть-чуть – и станем богатыми!¹

Очень трепетно Сашенька относилась к животным: жалела их, хотела уберечь от человеческой жестокости. Даже придумала для них убежище от людей – большую, как дом, подводную лодку, в которой смогли бы укрыться все звери, пока люди воюют. Ведь зверюшки-то не виноваты! Кошечки, собачки, дракончики, рыбки – неизменные обитатели сказочного мира, к которым девочка относилась как к людям. При взгляде на эти рисунки диву даешься, как можно было так изобразить братьев наших меньших – именно как братьев, с невероятной нежностью, любовью и с теми же открытыми, полными доверия к миру глазами.

«Щенок-царевич» – очаровательное светлое существо, готовое подарить свою любовь каждому, кто протянет к нему руки. Сашенька обвела его золотой каймой, что придало ему некое подобие свечения – самое яркое на ресницах, больше похожих на крылья.

«Щеночек Маргарита в красивом платье» – настоящая русская красавица. Ее наряд прорисован с такой любовью и с таким усердием, какими редко отличаются маленькие дети. А главное, что эти чудесные узоры не производят впечатления долгого кропотливого труда, а несут ощущение радости и легкости. Видимо, этот ребенок рисовал, как другие люди дышат.

«Рыбки-невесты» – добродушные существа с очень умными глазами. С ними у Сашеньки были особые отношения. Однажды, совсем недолго погуляв на улице, она бегом вернулась домой и протянула папе руки с двумя рыбками:

– Папа, смотри! Вот – живые... Я их спасла!.. Они упали с машины!.. Быстрее их в водичку!²

Вскоре рыбки плавали в ванной на радость своей спасительнице. Подобное повторилось, когда мама принесла из магазина сумку жи-

¹ Виценья Л.Н. Сашенька. Художественно-документальная повесть. С. 83–84.

² Там же. С. 44.

вой рыбы. Она немедленно была выпущена в ванну, а затем и в озеро. Каждую рыбку Сашенька брала в руки, целовала и опускала в воду со словами: «Плыви, рыбка, с Богом! И унеси мою болезнь...»¹

Девочке было пять лет, когда врачи поставили диагноз – лейкемия. После этого вопреки всем прогнозам Сашенька прожила еще шесть лет – слишком долго для такого случая... Шесть лет страданий, борьбы и надежды на выздоровление. Шесть лет удивительного творчества, вдохновения и любви. Мама оставила работу и постоянно была рядом с дочкой. Это ее любовь и любовь других близких людей задержала Сашеньку на Земле – другие дети, ее соседи по палате, угадали намного быстрее. После первого тяжелейшего курса лечения Сашенька на протяжении всех шести лет время от времени лежала с мамой в больнице и с невероятным для ребенка мужеством переносила боль, ни разу не выплеснув ее на бумагу! Ее рисунки оставались такими же яркими, искренними, добрыми. И только когда девочка прекращала рисовать, родители понимали, что ей совсем плохо.

На одном из рисунков Сашенька изобразила «Ночного глазастика» – маленькое неземное существо с огромными добрыми светящимися глазами. Кто знает, может, именно этот глазастик приходил к ней во сне на помощь, когда девочке было очень больно.

Все, что происходило в человеке и любом другом живом существе, Сашенька передавала через глаза, которые на ее рисунках становились не просто зеркалом души, а зеркалом Вечности – Беспредельности, откуда эта душа пришла и куда вернется, выполнив свою задачу на Земле. Вторая особенность ее работ – это цвет, который держит форму, – всегда детски-жизнерадостный, точный и гармоничный.

Девочку захватывали размышления о бесконечности Космоса, о жизни Вселенной и о Боге. После таких разговоров ее настроение изменялось, становилось возвышенным и просветленным. Еще будучи совсем маленькой, Сашенька нарисовала обнаженного ребенка, стоящего на краю земной тверди перед открытым космическим про-

¹ Виценья Л.Н. Сашенька. Художественно-документальная повесть. С. 45.

странством, лишь слегка придерживаясь за маму, которая стоит рядом. Перед маленьким человеком – огромные звезды и планеты, они смотрят на него живыми глазами и зовут к себе...

А еще есть удивительный рисунок, в который влюблены дети в разных странах мира. Это автопортрет Сашеньки в образе дракончика («Саша-дракоша»), сидящего на земном шаре. Глаза его лучатся счастьем, в лапках, раскрытых для объятий, он держит банан и ананас, которыми готов поделиться со всеми. Этот дракончик был напечатан на именном конверте Саши Путри, выпущенном в Австрии.

Сашенька с интересом погружалась в разные эпохи и культуры: среди рисунков юной художницы можно встретить «Анну Ярославну – королеву Франции», «Испанку», «Египтянку», «Девушку с красным цветком». Но больше всего Сашенька любила Индию. Как-то она написала:

*Ах, Индия, ах, Индия!
Волшебная страна!
В тебя, родная Индия,
Я с детства влюблена!¹*

Индийские образы на рисунках Сашеньки производят впечатлительные абсолютной реальности.

Удивительно красивы «Индийская невеста», портрет любимого актера Митхуна Чакраборти и «Оксанка-индианка» (портрет подруги Сашеньки по больничной палате – единственной девочки, которой суждено было вылечиться от страшной болезни).

И совсем неожиданное и пронзительное впечатление производят образы Девы Марии и Христа, созданные рукой и сердцем юного существа. Еще совсем малышкой на предостережение своего сверстника: «Если родителей не слушаться, Бог накажет» Сашенька ответила: «Бог не наказывает. Он добрый. Он огорчается...»²

¹ Виценья Л.Н. Сашенька. Художественно-документальная повесть. С. 163.

² Там же. С. 97.

Вот и здесь, на рисунке, ее плачущий Иисус Христос, наверное, очень огорчается, видя человеческое несовершенство, но все равно благословляет людей своим крестом — равно и верящих, и не верящих в него. А Богородицу на одном из рисунков Сашенька изобразила своей ровесницей — девочкой одиннадцати лет. Насколько глубоким должно было быть осознание этого Образа, и насколько он оказался близок Саше, чтобы изобразить Ее ребенком, и как изобразить! В глазах девочки Марии — все: и смирение, и предвидение, и боль, и святость. И вера.

Одним из последних рисунков Сашеньки был «Сириус». Она когда-то прочитала, что к этой звезде улетают добрые души умерших. Сашенька взяла папину руку, обвела его ладонь на листе бумаги, затем положила на этот контур свою и тоже обвела ее. Потом над руками возникло сине-голубое глубокое ночное небо и Сириус, к которому был устремлен союз двух рук — двух любящих сердец.

— *Давай будем всегда-всегда вместе! На всю жизнь и на всю смерть!*

— *Ты так страшно говоришь, доця...*

— *Ой, это у меня само так вырвалось...¹*

Когда Сашеньки не стало, дома остановились часы. На Земле остался светлый след от пролетевшей кометы из сна Евгения Васильевича. И еще необыкновенные рисунки, приносящие радость.

Каждый, соприкоснувшийся с ее творчеством, по-своему отвечает на вопрос, зачем она была послана. Возможно, для того, чтобы ее огонь преображал сердца людей и изменял жизнь, заставляя нас прислушиваться к звучащей Беспредельности. А может, для того, чтобы в музыке истинной Красоты смогли мы услышать шаги Нового человека...

2014 г.

¹ Виценья Л.Н. Сашенька. Художественно-документальная повесть. С. 56.